

от которой былъ свободенъ первый философскій преодолитель либерализма и индивидуализма въ новое время, бывший одновременно родоначальникомъ современнаго социализма — Г. Фихте. Фихте постоянно указывалъ, что нравственное цѣлое отнюдь не совладеваетъ съ безусловно принудительной государственной организацией и что высшими формами его эмпирическаго проявленія являются нація, человечество, трудовая профессія и семья. Правó,

по Фихте, есть только средство на службѣ у нравственныхъ цѣлыхъ, а государство лишь одинъ изъ возможныхъ и исторически необходимыхъ методовъ реализаціи права. Такой взглядъ, вбирающій въ себя и правду либерализма, несомнѣнно болѣе соответствуетъ объективистической идеологии социализма, чѣмъ работѣ не передъ государствомъ, какъ высшей формой человѣческаго общенія.

Доц. Г. Д. Гурвичъ.

Соціалистическое Государство или Соціальное Право

Въ прямой связи съ темой, которой посвящена выше статья «Возрожденіе», стоитъ теоретическая проблема, выдвинутая статьей Г. Д. Гурвича, — частично въ полемической противъ меня формѣ.

Заглавіе статьи Г. Гурвича — «Государство и Соціализмъ» — уже предмета, который въ ней трактуется. Статья говоритъ объ отношеніи социализма къ государству и къ праву. Но ея стержень и логическій центръ въ другомъ: въ опредѣленіи взаимоотношеній между правомъ и государствомъ, въ возобновленіи стараго, насчитывающаго уже вѣка, спора о

ответствующей идеологии у *Radbruga* въ «*Kulturlehre des Sozialismus*», 1922 и въ «*Grundzuge der Rechtsphilosophie*», 1914.

томъ, что чему предшествуетъ и что чѣмъ предполагается: государство ли предполагаетъ право или право предполагается бытіе или идею-государства?

Отсюда ясно, что трактуемая Гурвичемъ тема есть прежде всего и по преимуществу тема юридическая, важная и дорогая сравнительно для узкаго круга социалистовъ — *doctrina utriusque juris* — и въ подробностяхъ подлежащая обсужденію на страницахъ спеціального, а не общаго журнала. Мнѣ приходится, поэтому, ограничить свой отвѣтъ на замѣчанія Г. Д. Гурвича самымъ необходимымъ и общимъ, соприкасающимся непосредственно съ общественно-политической проблематикой. Предлагаемая свои соображенія въ по-

рядѣ убывающей общности, я заранѣе долженъ оговорить, что совершенно избѣгнуть «общности даваемыхъ формулировокъ» я считаю и не нужнымъ и невозможнымъ.

Въ старой — и въ значительной мѣрѣ устарѣвшей — тяжбѣ между правомъ и государствомъ Г. Гурвичъ рѣшительно становится на сторону права, доказывая его приоритетъ исторически, логически, догматически, правно-политически. Многие изъ того, что по этому поводу говорится, совершенно справедливо, — мѣстами настолько справедливо и бесспорно, что не нуждалось и въ защитѣ или опроверженіи противнаго. Другое — явно неправильно и вызвано увлеченіемъ; апологетическимъ — по отношенію къ праву и агрессивнымъ — въ отношеніи къ государству.

На чемъ покоится главнѣйшій тезисъ Гурвича: «Право категория метафизическая. Государство — категория историческая»? — Конечно же, право въ такой же мѣрѣ историческая категория, какъ и государство. И, съ другой стороны, государство имѣть не меньшій, чѣмъ право, основанія къ тому, чтобы его разсматривали какъ категорию метафизическую. И вообще что считать «метафизической категоріей»? Последнее? Но «последней цѣлью» вѣдь и Гурвичъ считаетъ не право, а «конкретную систему лицъ», какъ «гармоническое сочетание личности съ цѣлымъ» (См. его ст. въ № 16 *Совр. Записокъ*)! Если же мета-

физическими могутъ быть и «предпослѣднія» категоріи и тѣхъ категорій можетъ быть нѣсколько, почему бы и государству не быть въ числѣ метафизическихъ категорій? Отъ Платона чрезъ Гегеля и до нашихъ дней (ср. печатасмую выше статью проф. Н. Лосского) мы имѣемъ образцы трактованія государства, какъ категоріи метафизической. И у самого Фихте, система коего созвучнѣе другихъ воспринимается философско-правовой концепціей Гурвича, — послѣдній можетъ найти лишь установку государства ниже права, а вовсе не принципиальное противоположеніе государства праву, какъ двухъ разныхъ *категорій*. Государство для Фихте лишь одна изъ возможныхъ и исторически необходимыхъ формъ реализаціи права; но и право является лишь служебнымъ средствомъ для цѣлей «нравственнаго цѣлаго». Такимъ «нравственнымъ цѣлымъ» для Фихте не было ни государство, ни право, — а семья, трудовая профессія, нація, человечество.

Можно — допускаю, что и должно — придти къ «метафизической категоріи» въ исключеніе человѣческаго представленія о мірѣ и воли его въ мірѣ. Но рѣшительно неприемлема «метафизическая категорія» въ качествѣ исходнаго отношенія къ міру, въ частности — къ міру человѣческаго общенія. Между тѣмъ Г. Гурвичъ какъ разъ *исходитъ* изъ метафизической природы права въ отличіе отъ исторически-преходящей природы государ-

ства. Съ особенной отчетливостью это можно прослѣдить въ одномъ изъ основныхъ — и, на нашъ взглядъ, очень цѣннымъ — трудовъ Гурвича, въ его «Введеніи въ общіую теорію международного права». Тамъ «признаніе заранее существованія объективнаго международного правоворядка, независимаго отъ воли отдѣльнаго государства» — служить откровеннымъ постулатомъ всей теоріи.

Юридическая догматика — *Begriffsjurisprudenz* въ хорошемъ смыслѣ этого слова — можетъ съ пользой для дѣла различать между государственнымъ, или политическимъ (первоначальная *politeia*) и правовымъ; между обществомъ и государствомъ; государствомъ и правоворядкомъ; «безусловно-принудительнымъ аппаратомъ государства» и «условно-властнымъ характеромъ права» и т. д. и т. д. Но она не должна забывать, что *государство отъ права*, говоря словами Радбруха, *хотя и различно, но не отдѣлимо*: «И право, и государство лишь различныя модальности единой субстанціи, лишь различные способы разсмотрѣнія одной и той же данности... Въ качествѣ опредѣляющаго порядокъ (*ordnende Ordnung*) законодательство является государствомъ; въ качествѣ опредѣленнаго порядка (*als geordnete Ordnung*) — правомъ» (G. Radbruch: *Grundzüge der Rechtsphilosophie*. — S. 83-84).

Въ томъ, что носить названіе правового государства оба начала проникаютъ взаимно другъ

друга: государство прощизывается правомъ, не исчерпываясь имъ; право осуществляется государствомъ, но не только имъ однимъ. Это «категоріи *пересекающіяся*, а не *совпадающія* другъ съ другомъ, какъ думаетъ Кельзенъ*), и не расходящіяся въ разные стороны, какъ утверждаетъ Гурвичъ. Суживается напряженіе государственнаго властвованія, но распространяется сфера дѣйствія государства. Убываютъ принудительныя функціи правительственнаго аппарата, но возрастаютъ его устроющія, административно-посредническія задачи. Юмъ когда-то говорилъ, что вся мощь британской имперіи существуетъ для того, чтобы 12 присяжныхъ могли свободно вынести свое сужденіе. Эти слова, скорѣе характеризующія будущее правового государства, нежели его прошлое, требуютъ дополненія въ томъ смыслѣ, что не одно только свободное сужденіе присяжныхъ должно быть обезпечено «всею мощью» государства. Ею же должна быть обезпечена и социальная свобода.

Государственная власть находить свое ограниченіе, упоръ и оправданіе въ правосознаніи общества и народа. Правосознаніе находить свое выраженіе и осуществленіе въ актахъ

*) «Ни одна часть государства не лежитъ за предѣлами права и ни одна область права не выпадаетъ за предѣлы государства», — утверждаетъ Гансъ Кельзенъ: «*Der Juristische und Soziologische Staatsbegriff*», s. 88.

государственной власти. Право и государство въ равной мѣрѣ являются — или не являются — категориями метафизическими. Но то «послѣднее» — или «первое», — чему подчинено и государство, и право, это — принцип личности. И не потому ли великіе метафизики прошлаго «субстанционировали» иногда государство, и никогда — право, что государство можно мыслить въ образѣ «соборной личности», а право даже метафизику Гурвичу представляется лишь какъ «безличная» власть объективной нормы? Вѣдь не случайно современные сокрушители «кумировъ» — идеи революціи, политики вообще (государства), культуры, нравственного идеализма — не выключили въ общій перечень «идоловъ» права. И примѣръ Лассалья, обязаннаго своимъ философскимъ развитіемъ, конечно, не только Гегелю, но и Фихте; Лассалья — автора «Системы приобретенныхъ правъ», введшаго въ науку «соціально-правовое» понимание конституціи и за всѣмъ тѣмъ все же искавшаго для «четвертаго сословія» государственной идеи, а не правовой, и нашедшаго высшій принципъ въ *государствѣ*, а не въ «соціальномъ правѣ», — этотъ примѣръ, ярче другихъ говорящій противъ концепціи Гурвича, можетъ быть, окажется для него и болѣе другихъ убѣдительнымъ.

Въ статьѣ, давшей поводъ Г. Гурвичу формулировать свою точку зрѣнія, я писалъ: «Чтобы пресуществить совре-

менное искаженное государство въ государство социалистическое, необходимо прежде всего реабилитировать идею государства въ общности, въ частности, въ социалистическомъ сознании». «Въ исторически обозримой перспективѣ, а она только одна и дала всякому не-метафизическому социализму, — социализмъ возможенъ въ формѣ социалистическаго государства или невозможенъ во все» (*Современ. Записки* № 23, стр. 393/2). Г. Д. Гурвичъ противопоставляетъ этимъ положеніямъ свои:

«Право (въ отличіе отъ государства) есть категория метафизическая».

«Социализмъ есть прежде всего проблема права».

«Его (социализма) первѣйшей міросозерцательной предпосылкой является нравственное оправданіе права».

Послѣ сказаннаго выше мнѣ кажется яснымъ для каждаго, что мы говоримъ о разномъ. Наши тезисы имѣютъ въ виду разные «социализмы»: социализмъ въ «исторически-обозримой перспективѣ» социалистическаго государства и социализмъ «метафизическій», осуществляющей социалистическое право. Въ извѣстномъ смыслѣ одно даже не исключаетъ другого. И я вѣдь не считаю, что съ социалистическимъ государствомъ кончается мировая исторія (представленіе о социализмѣ Гурвича отлично, на мой взглядъ, умѣщается въ тѣхъ «мета-социалистическихъ» даляхъ», о которыхъ вскользь упоминается въ моей статьѣ). И мой оппонентъ, въ концѣ

концовъ, соглашается, что «безъ помощи этой конденсированной части правопорядка (государства) право при современныхъ условіяхъ не можетъ съ достаточной интенсивностью выполнять свои функции установленія міра въ общезитіи».

Если даже «полное раскрытіе» положеніе извѣстныхъ областей социальнаго права изъ подъ верховенства государства отнюдь не должно приводить къ подрыву государственной идеи и къ уничтоженію правильно понятаго государственнаго суверенитета; если государство при всѣхъ трансформацияхъ остается, по увѣренію Гурвича, неприкосновеннымъ въ качествѣ безусловнаго-властнаго, территориальнаго союза, — то какъ будто бы отпадаетъ весь дальнѣйшій споръ, сводящійся, повидимому уже къ спору объ отгѣнкахъ, подробностяхъ, словахъ и т. д.*). Не забудемъ, однако, что споръ идетъ не столько о реабилитации идеи государства, сколько о *первенствѣ* этой идеи, теоретическомъ и практическомъ, передъ другими идеями: права, международнаго обще-

нія, профессиональнаго объединенія и т. д.

Что касается «приоритета» государства съ теоретической точки зрѣнія, то, когда я о немъ говорилъ и говорю, я вовсе не разумѣю подъ нимъ надѣленіе суверенитетомъ нѣкоей «стихіи» или «нѣкой фактической социальной мощи, стоящей надъ государственнымъ правопорядкомъ». Приоритетъ государства есть иервенство его предъ другими формами общезитія» или «другими публично-правовыми объединениями» (Ср. *Совр. Зап.* № 23, стр. 391). И что другое означаютъ собственные слова Гурвича: «Государственная власть есть высшая по отношенію къ другимъ проявленіямъ власти же внутри государственнаго союза, т. е. господства и подчиненія: напримѣръ, власти отца надъ дѣтьми, какой-либо корпорации надъ своими членами, профессиональнаго союза надъ рабочими въ него входящими»? (См. «Введеніе въ общую теорію международнаго права». Прага. 1923. Стр. 41).

Практически Гурвичъ умаляетъ значеніе государства и во внѣшне-государственной и

*) Отметим все же наиболѣе броское противорѣчіе въ построеніи Гурвича. — «Социально-правовому регулированію хозяйства» онъ выдѣляетъ «самодовлѣющий (?) кругъ» дѣятельности; оно осуществляетъ «полную (!) свою независимость отъ внутренняго государственнаго верховенства» и въ то же время — оно «не претендуетъ на безусловно-принудительное властвованіе», «не наноситъ ни-

какого удара суверенитету государства»... Вообще для критика совершенно необычно, — различая «условно-властный принудительный характеръ» социальнаго права и «безусловно-властный характеръ» права государственнаго, утверждать первичность не «безусловнаго», т. е. власти, проявляющей свой «характеръ» въ двухъ модальностяхъ или формахъ, а «условнаго» — права.

во внутри-государственной областяхъ. Не только методологически считаетъ онъ, вмѣстѣ съ Краббе, необходимымъ *исходить* отъ международно-правового общенія, какъ «наиболѣе обширной изъ мыслимыхъ формъ общенія». Но и въ порядкѣ морально-историческомъ для него *абсолютную* цѣнность представляетъ только цѣль, охватывающая все человѣческое общеніе: національно-государственное общеніе можетъ лишь частично осуществить эту цѣль, поэтому оно имѣетъ лишь *относительную* цѣнность. — И въ области внутри-государственнаго «соціального права» Гурвичъ всячески стремится сузить централизующія правомочія государства и за счетъ послѣдняго расширить функции децентрализованныхъ, профессиональных и иныхъ объединеній. «Соціаль-реформистская» его при этомъ задача — разбить слишкомъ мощный и разрушительный потокъ классовой стихіи на рядъ ручьевъ-профессій, взаимно сдерживающихъ другъ друга и тѣмъ самымъ вносящихъ равновѣсіе и право въ первоначальный хаосъ и произволь.

Нашъ путь и методъ — обратный. Коротко его намѣчая, — въ согласіи съ завѣтами Лассалля и Жореса, мы вовсе не стремимся разбить единство класса на части; напротивъ наша цѣль — поднять классъ до идеи болѣе обширнаго цѣлага, слить его самосознаніе съ сознаниемъ государственнаго и національнаго единства прежде всего, съ международнымъ всеединствомъ — вслѣдъ за-

тѣмъ. И мы, конечно, видѣли въ международно-правовомъ общеніи «наиболѣе обширную изъ мыслимыхъ формъ общенія». Но исходимъ мы не отъ «мыслимыхъ формъ», а отъ реальныхъ, — исторіей и культурой данныхъ. Поэтому нашъ путь лежитъ не отъ болѣе общаго къ частному, не отъ абсолютнаго къ относительному, не отъ метафизики къ исторіи, а наоборотъ: — отъ государственнаго права къ социальному и международному, отъ государства къ праву (въ пониманіи Гурвича), отъ націй къ человѣчеству.

Если не ждать осуществленія социализма съ сегодняшняго дня на завтра и, если не думать, что его можно «вести» какимъ-нибудь автоматъ или системой актовъ, — съ полнымъ правомъ, думается мнѣ, слѣдуетъ считать по меньшей мѣрѣ «преждевременнымъ» объявленіе о смерти и похоронахъ социализма, связывающаго свои планы на будущее съ государствомъ и его трансформацией. Совершенно естественно и общеизвѣстно, что социализмъ въ формѣ государства сейчасъ, послѣ европейскаго Kriegswirtschaft и російскаго коммунизма, мало кого соблазняетъ. Реакція противъ эксцессовъ военнаго социализма — походяго на социализмъ, въ сущности, не больше, чѣмъ націонализация производства и торговли, проводималъ сейчасъ въ Польшѣ въ ювинистическихъ и антисемитскихъ видахъ, похожа на подлинную націонализацию въ интересахъ развитія производительныхъ силъ и осуществленія права —

захватила сейчас не только исконных противников осуществления социальных задач при посредствѣ государства: либераловъ, анархистовъ и синдикалистовъ всѣхъ странъ и отѣнковъ. Кто теперь не щеголяетъ сочувствіемъ идеѣ представительства интересовъ и профессій, группъ и учреждений рядомъ, а то и взаимнѣ представительства лицъ и территорий, осуществляемаго «отжившимъ парламентаризмомъ»?!. Отъ б. министра въ кабинетѣ Пуанкаре, главнаго редактора бульварной газеты *Апри де-Иувенели* и до... до безответственныхъ русскихъ евразійцевъ!.. Соціализмъ въ формѣ государства сейчасъ, дѣйствительно, не въ модѣ даже среди социалистовъ. Но какъ замѣтилъ еще Ренанъ, — *Le moyen d'avoir raison dans l'avenir est à certaines heures de savoir se résigner à être démodé*: чтобы оказаться правымъ въ буду-

щемъ, надо умѣть — и смѣть! — въ извѣстное время быть немоднымъ...

Для Западной Европы, гдѣ націю-народъ и націю-государство соединяетъ иногда даже терминологическое тождество, можетъ быть, и безвредны «условно властные» «частные социальные правопорядки», которые, вмѣстѣ съ западными идеологами синдикализма, гильденизма и социальнаго права, какъ сочетание послѣдняго слова науки съ политикой текущаго дня, отстаиваетъ и Г. Д. Гурвичъ. Совсѣмъ иное дѣло Россія. Для Россіи, особенно для Россіи побольшевицкой, вмѣстѣ съ отталкиваніемъ отъ РКП впитавшей въ себя и отталкиваніе отъ государственной власти вообще, — необходимо утвержденіе первенства государства передъ всѣми другими формами социально-правового общенія.

М. Вишнякъ.